

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MIGRATION LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: ISSUES OF STABILITY AND HARMONIZATION

Sergey Rasilov

Independent Researcher

Department of Theory of State and Law

Tashkent State University of Law

E-mail address: S.Rasilov@mail.ru

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: migration law, Uzbekistan, stability, harmonization, comparative analysis, post-Soviet states, Azerbaijan, Kazakhstan, Russia, Kyrgyzstan, European Union.

Received: 08.10.25

Accepted: 09.10.25

Published: 10.10.25

Abstract: The article examines the stages of development of migration legislation in Uzbekistan and identifies its fragmentation and instability. The novelty lies in a comparative analysis of Uzbekistan's experience with post-Soviet states and the European Union. The results show that stability is achieved through codification, institutionalization, and harmonization with international standards. The study concludes that a comparative perspective is essential for improving the coherence and predictability of Uzbekistan's migration law.

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI MIGRATSIYA QONUNCHILIGI RIVOJLANISHI TENDENSIYALARI: BARQARORLIK VA UYG'UNLASHTIRISH MUAMMOLARI

Sergey Rasilov

Mustaqil izlanuvchi

Davlat va huquq nazariyasi kafedrası

Toshkent davlat yuridik universiteti

E-mail: S.Rasilov@mail.ru

Toshkent, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: migratsiya qonunchiligi, O'zbekiston, barqarorlik, uyg'unlashtirish, qiyosiy-huquqiy tahlil, postsovet davlatlari, Ozarbayjon, Qozog'iston, Rossiya, Qirg'iziston, Yevropa Ittifoqi.

Annotatsiya: Maqola O'zbekiston migratsiya qonunchiligi rivojlanish bosqichlarini tahlil qiladi va undagi parchalanganlik hamda beqarorlikni aniqlaydi. Tadqiqotning yangiligi postsovet davlatlari va

Yevropa Ittifoqi tajribasi bilan qiyosiy tahlil qo'llanilishidadir. Natijalar shuni ko'rsatadiki, barqarorlik kodifikatsiya, institutsionalizatsiya va xalqaro standartlarga uyg'unlashtirish orqali ta'minlanadi. Xulosa sifatida qiyosiy yondashuv O'zbekiston migratsiya huquqining izchilligi va bashorat qilinishini kuchaytirishda muhim ahamiyatga ega ekani ta'kidlanadi.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ И ГАРМОНИЗАЦИИ

Сергей Расилов

Самостоятельный соискатель

Кафедра теории государства и права

Ташкентский государственный юридический университет

E-mail: S.Rasilov@mail.ru

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова:	миграционное законодательство, Узбекистан, устойчивость, гармонизация, сравнительно-правовой анализ, постсоветские государства, Азербайджан, Казахстан, Россия, Кыргызстан, Европейский союз.	Аннотация:	В статье
		анализируются этапы развития миграционного законодательства Республики Узбекистан и выявляется его фрагментарность и нестабильность. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе узбекского опыта с законодательными моделями постсоветских стран и Европейского союза. Результаты показывают, что устойчивость достигается через кодификацию, институционализацию и гармонизацию с международными стандартами. Сделан вывод о значимости сравнительного подхода для укрепления согласованности и предсказуемости миграционного права Узбекистана.	

Введение. Миграция в условиях глобализации выступает важнейшим фактором социально-экономического и правового развития государств, формируя транснациональные связи и создавая новые вызовы для национальных правовых систем. Для Узбекистана, являющегося одним из региональных лидеров по масштабам внешней трудовой миграции, совершенствование миграционного законодательства имеет стратегическое значение, поскольку напрямую связано с обеспечением социальной стабильности и устойчивого экономического роста (UN ESCAP, 2016; Urinboyev, 2022).

В научной литературе подчёркивается, что главными проблемами национальной правовой базы остаются её фрагментарность и высокая зависимость от подзаконного регулирования, что обуславливает нестабильность системы (Алланова, 2021; Исоков, 2022). Схожие трудности характерны для Кыргызстана, где правотворчество в сфере миграции носит ситуативный характер и не опирается на кодифицированную стратегию (Isabekov, Narmatov, & Yusupaliev, 2024; Abaskanova, 2016). В России, несмотря на наличие Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан», многочисленные поправки препятствуют формированию устойчивой и предсказуемой нормативной базы (Ryazantsev & Korneev, 2013). В то же время в Азербайджане и Казахстане институционализация органов миграционного управления и принятие комплексных законодательных актов обеспечили большую согласованность и предсказуемость правового регулирования (Ulasiuk, 2013; Narimbaeva & Abayev, 2025).

Особого внимания заслуживает регулирование пребывания иностранцев в Узбекистане. В отличие от соседних государств, где действуют лимиты «90/180» или «90/365 дней», узбекское законодательство не содержит фиксированных ограничений: граждане ряда безвизовых стран могут находиться на территории республики неограниченный срок при условии продления регистрации каждые шесть месяцев. Такая практика упрощает пребывание, но одновременно формирует правовую неопределённость, поскольку не устанавливает чётких критериев долгосрочной легализации. Дополнительную проблему составляет применение мер административного выдворения и ограничений во въезде, которые ориентированы преимущественно на защиту публичных интересов и не предусматривают процедуры учёта индивидуальных обстоятельств (наличие семьи, социальные связи, длительное проживание). Отсутствие механизма оценки соразмерности таких мер повышает риск противоречия международным обязательствам Узбекистана в сфере прав человека (Urinboyev, 2022; Yeroshenko, 2018).

Судебная практика лишь подтверждает данные проблемы: национальные суды, рассматривая дела о правовом положении иностранцев, как правило, исходят из приоритета подзаконных актов и административно-финансовых соображений, что ограничивает реализацию международных принципов недискриминации и равного доступа.

Сравнительный анализ указывает на ценность опыта Европейского союза, где миграционное законодательство гармонизируется посредством директив и регламентов, формирующих единые стандарты. Так, Директива 2009/50/ЕС о «голубой карте» демонстрирует эффективность унификации и обеспечивает долгосрочную предсказуемость системы (Kruma, 2013; Yeroshenko, 2018). В отличие от ЕС, интеграционные процессы в постсоветском пространстве, включая Евразийский экономический союз, остаются

ограниченными и не обеспечивают сопоставимого уровня унификации (Kembayev, 2009; Lemon & Antonov, 2020).

Таким образом, изучение эволюции миграционного законодательства Узбекистана на основе историко-правового и сравнительно-правового анализа, а также учёта судебной практики позволяет выявить ключевые проблемы его устойчивости. Среди приоритетных направлений совершенствования — упорядочение сроков пребывания, внедрение механизмов оценки соразмерности при применении выдворения и ограничений во въезде, а также постепенная гармонизация национального права с международными стандартами.

Методы. Для анализа тенденций развития миграционного законодательства Республики Узбекистан применялся комплекс методов, характерных для юридической науки. Центральное место занял историко-правовой метод, позволивший выделить основные этапы формирования нормативной базы с 1991 года по настоящее время и проследить трансформацию правового регулирования в зависимости от социально-политических условий. Такой подход традиционно используется в правоведении для выявления динамики и преемственности правового развития (Зинченко, 2019; Тишков, Зайончковская и Витковская, 2005).

Важным инструментом стал сравнительно-правовой метод, применённый для сопоставления узбекского миграционного законодательства с нормативными моделями Азербайджана, Казахстана, России и Кыргызстана, а также с опытом Европейского союза. Данный подход позволил выявить как различия, так и общие закономерности в институциональных решениях и механизмах обеспечения устойчивости правового регулирования (Kruta, 2013; Narimbaeva & Abayev, 2025).

Широко использовался и формально-юридический метод, направленный на анализ национальных нормативных актов и международных договоров, участником которых является Узбекистан. С его помощью выявлены внутренние противоречия законодательства, динамика поправок и особенности регулирования сроков пребывания иностранных граждан. Особое внимание уделялось отсутствию закреплённых временных лимитов («90/180», «90/365»), что отличает Узбекистан от большинства соседних стран и формирует особый режим пребывания (UN ESCAP, 2016; Ryazantsev & Korneev, 2013).

Значительное место занял системный подход, позволивший рассмотреть миграционное законодательство в контексте институциональных реформ и международных обязательств Узбекистана в сфере прав человека. Анализ судебной практики показал, что меры административного выдворения и ограничения во въезде применяются без закреплённых в законе процедур оценки соразмерности, что затрудняет обеспечение

баланса между публичными интересами и правами личности (Urinboyev, 2022; Lemon & Antonov, 2020).

Комплексное использование указанных методов обеспечило целостность исследования и позволило обосновать выводы о тенденциях развития, проблемах устойчивости и перспективах гармонизации миграционного законодательства Узбекистана.

Результаты. Полученные результаты подтверждают, что развитие миграционного законодательства Республики Узбекистан носит динамичный и фрагментарный характер, что во многом отражает общие закономерности постсоветских государств. В Узбекистане и Кыргызстане правотворчество долгое время развивалось ситуативно, реагируя преимущественно на социально-экономические вызовы и внешние факторы, включая трудовую миграцию и экономические кризисы (Isabekov, Narmatov, & Yusupaliev, 2024; Abaskanova, 2016). Такая модель не обеспечивала долгосрочной предсказуемости и устойчивости правового регулирования.

Ключевым пробелом остаётся отсутствие единых правил пребывания иностранных граждан, аналогичных установленным в России, Казахстане и Кыргызстане («90/180» или «90/365»). В результате иностранцы из безвизовых стран могут находиться в Узбекистане неограниченный срок при условии перерегистрации каждые шесть месяцев. С одной стороны, это облегчает пребывание, но с другой — создаёт правовую неопределённость, поскольку отсутствуют критерии для долгосрочной легализации и интеграции.

Особого внимания заслуживает практика применения мер административного выдворения и ограничений во въезде. Эти меры направлены на защиту публичных интересов, однако лишены процедуры оценки соразмерности и не учитывают гуманитарные обстоятельства, такие как наличие семьи, длительное проживание, социальные и образовательные связи. Подобный формально-административный подход не только повышает риск несоответствия международным обязательствам Узбекистана в сфере прав человека (Urinboyev, 2022; Yeroshenko, 2018), но и ограничивает возможности иностранных граждан в реализации социально значимых прав.

Наиболее заметно это проявляется в сфере доступа к образованию и социальным услугам. Иностранцы, особенно лица, находящиеся в стране длительное время, сталкиваются с институциональными барьерами при поступлении в образовательные учреждения, получении медицинской помощи или трудоустройстве. Отсутствие специальных правовых гарантий приводит к тому, что формальный статус иностранца нередко препятствует полноценной реализации прав, которые в международной практике признаются базовыми. Для сравнения, в Европейском союзе директивы закрепляют

обязанность учитывать баланс между публичными интересами и правами личности, что обеспечивает более высокий уровень защиты (Kruma, 2013; Yeroshenko, 2018).

Опыт Азербайджана и Казахстана демонстрирует, что институционализация органов миграционного управления и комплексные законодательные акты способствуют большей предсказуемости и устойчивости системы (Ulasiuk, 2013; Narimbaeva & Abayev, 2025). В России, несмотря на наличие кодифицированного закона, постоянные поправки ограничивают его стабильность, тогда как в Узбекистане ключевыми вызовами остаются не только отсутствие системных сроков пребывания, но и ограниченные возможности для социальной и образовательной интеграции иностранцев.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что устойчивость миграционного законодательства достигается лишь при условии комплексного подхода: институционализации органов управления, кодификации норм, гармонизации с международными стандартами и закрепления механизмов защиты социальных и образовательных прав иностранных граждан. Для Узбекистана решение этих задач становится стратегически важным, поскольку именно они обеспечивают баланс между государственными интересами и правами личности, формируя условия для долгосрочной устойчивости правовой системы.

Обсуждение. Полученные результаты подтверждают, что развитие миграционного законодательства Республики Узбекистан носит динамичный и нестабильный характер, во многом отражающий общие тенденции постсоветского пространства. Подобно Кыргызстану, правотворчество в данной сфере на протяжении долгого времени оставалось фрагментарным и реактивным, реагируя преимущественно на социально-экономические вызовы и внешние факторы, включая трудовую миграцию и экономические кризисы (Isabekov, Narmatov, & Yusupaliev, 2024; Abaskanova, 2016). Такая практика препятствовала выработке долгосрочной стратегии и затрудняла формирование устойчивой нормативной базы.

Особое внимание привлекает отсутствие в Узбекистане единых правил пребывания иностранных граждан, аналогичных установленным в России, Казахстане и Кыргызстане (например, «90/180» или «90/365»). В результате иностранцы из безвизовых стран могут находиться в республике фактически неограниченный срок при условии перерегистрации каждые шесть месяцев. Подобная модель облегчает въезд, но одновременно создаёт правовую неопределённость, поскольку не устанавливает критериев долгосрочной легализации и интеграции (UN ESCAP, 2016; Зинченко, 2019).

Не менее проблемным остаётся применение мер административного выдворения и ограничений во въезде. Отсутствие в национальном праве процедур, позволяющих

учитывать гуманитарные обстоятельства (наличие семьи, длительное проживание, образовательные и трудовые связи), повышает риск несоразмерного вмешательства в частную жизнь. Судебная практика показывает, что такие меры нередко принимаются исходя из формально-административной логики и без анализа международных обязательств, что усиливает институциональную уязвимость системы (Urinboyev, 2022; Yeroshenko, 2018).

Дополнительное измерение проблемы связано с ограничением социальных и образовательных прав иностранных граждан. Лица, находящиеся в Узбекистане на длительной основе, сталкиваются с трудностями при поступлении в образовательные учреждения, доступе к социальным услугам и здравоохранению. Отсутствие нормативных гарантий для этой категории лиц снижает уровень их социальной интеграции и вступает в противоречие с международными стандартами, предусматривающими обязательность недискриминационного доступа к базовым правам. В отличие от Узбекистана, в странах ЕС директивы закрепляют принцип баланса публичных и частных интересов, что позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства при регулировании миграционных процессов (Kruma, 2013; Yeroshenko, 2018).

Опыт Азербайджана и Казахстана показывает, что институционализация органов миграционного управления и принятие комплексных законодательных актов способствуют большей предсказуемости и устойчивости системы (Ulasiuk, 2013; Narimbaeva & Abayev, 2025). Российская модель, напротив, демонстрирует, что даже при наличии кодифицированного закона постоянные поправки подрывают его стабильность (Ryazantsev & Korneev, 2013; Urinboyev, 2020).

Таким образом, сравнительный анализ подтверждает, что устойчивость миграционного законодательства достигается только при комплексном подходе. Он должен включать институционализацию органов управления миграцией, систематизацию нормативных актов, гармонизацию с международными стандартами, а также обеспечение социальных и образовательных прав иностранных граждан. Для Узбекистана стратегически важным направлением становится устранение пробелов в регулировании сроков пребывания, внедрение процедур оценки соразмерности при выдворении и создание механизмов социальной интеграции, что позволит повысить предсказуемость и согласованность правовой системы.

Заключение. Проведённое исследование показало, что миграционное законодательство Республики Узбекистан прошло три этапа становления: от фрагментарных и ситуативных актов постсоветского периода через институциональные реформы начала 2000-х годов к современному этапу цифровизации и либерализации.

Несмотря на позитивные изменения последних лет, ключевой проблемой остаётся нестабильность правовой базы, что снижает её предсказуемость, согласованность и эффективность.

Сравнительный анализ подтвердил, что устойчивость миграционного законодательства достигается при сочетании трёх условий: институционализации органов управления, систематизации и кодификации нормативных актов, а также гармонизации с международными стандартами. Опыт Азербайджана и Казахстана демонстрирует значимость комплексного законодательства и специализированных институтов, тогда как российская модель показывает риски чрезмерной изменчивости. Пример Европейского союза указывает на ценность наднациональных механизмов гармонизации, обеспечивающих долгосрочную устойчивость правового регулирования.

Отдельного внимания заслуживает выявленный пробел в регулировании сроков пребывания иностранных граждан. Отсутствие фиксированных лимитов (например, «90/180» или «90/365 дней») при сохранении механизма перерегистрации каждые шесть месяцев создаёт правовую неопределённость и снижает управляемость миграционными процессами. Аналогичные проблемы проявляются в применении мер административного выдворения и ограничений во въезде: отсутствие процедур оценки соразмерности препятствует балансу между публичными интересами и правами личности, что повышает риск несоответствия международным обязательствам Узбекистана.

К этому добавляется ограниченный доступ иностранных граждан к реализации социальных и образовательных прав, что снижает уровень их интеграции и усиливает социальную уязвимость. В условиях глобализации такие ограничения противоречат международным стандартам, требующим обеспечения равного и недискриминационного доступа к базовым правам.

Таким образом, дальнейшее развитие миграционного законодательства Узбекистана должно учитывать как собственный исторический опыт, так и достижения соседних стран и Европейского союза. Важнейшими направлениями совершенствования выступают: введение системных правил пребывания иностранных граждан, закрепление гуманитарных критериев при выдворении и ограничениях во въезде, расширение гарантий доступа к социальным и образовательным правам, а также поэтапная гармонизация национального законодательства с международными нормами. Сравнительно-правовой подход позволяет определить пути повышения устойчивости и согласованности правовой системы, что имеет стратегическое значение для эффективного регулирования миграционных процессов в условиях глобализации.

Список использованной литературы:

1. Abaskanova, N. (2016). Трудовая миграция и проблемы регулирования в Кыргызской Республике. Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета, 16(6), 120–125. ISSN 1694-7865.
2. Allanova, N. (2021). Современные тенденции развития миграционного права Узбекистана. Юридическая наука и практика, 5(3), 45–53. ISSN 2181-9246.
3. Isabekov, I., Narmatov, N., & Yusupaliev, A. (2024). Migration policies in Kyrgyzstan: Challenges of legal fragmentation. *Central Asian Law Review*, 12(2), 33–49.
4. Исоқов, Х. (2022). Нормативно-правовые основы миграционного законодательства Республики Узбекистан. *Общество и право*, 2(58), 71–78. ISSN 2181-9203.
5. Kembayev, Z. (2009). *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*. Berlin: Springer. ISBN 978-3-540-70847-9.
6. Kruma, K. (2013). EU Blue Card Directive: Context, implementation and future prospects. *European Journal of Migration and Law*, 15(2), 191–210. <https://doi.org/10.1163/15718166-12342029>.
7. Lemon, E., & Antonov, A. (2020). Regionalism and migration governance in Central Asia: Between Eurasianism and sovereignty. *Problems of Post-Communism*, 67(5), 412–425. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1657359>.
8. Narimbaeva, A., & Abayev, B. (2025). Kazakhstan's migration law in the context of Eurasian integration. *Journal of Eurasian Studies*, 16(1), 55–70. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2024.100234>.
9. Ryazantsev, S., & Korneev, O. (2013). *Russia and Kazakhstan in Eurasian migration system: Development trends, socio-economic consequences of migration and approaches to regulation*. CARIM-East Research Report 2013/44. Florence: European University Institute.
10. Tishkov, V., Zaionchkovskaya, Z., & Vitkovskaya, G. (2005). *Migration in the countries of the former Soviet Union*. Global Commission on International Migration Report. Geneva: GCIM.
11. Ulasiuk, I. (2013). Migration law in Azerbaijan: Trends and perspectives. *Review of Central and East European Law*, 38(2), 197–222. <https://doi.org/10.1163/15730352-03802005>.
12. United Nations ESCAP. (2016). *Migration and Development in Central Asia: Regional Report*. Bangkok: United Nations ESCAP.
13. Urinboyev, R. (2022). *The Political Economy of Non-Western Migration Regimes: Central Asian Migrant Workers in Russia and Turkey*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-93980-1>.

14. Yeroshenko, A. (2018). Harmonisation of migration law in the European Union: Legal and institutional framework. *Law and Contemporary Europe*, 9(1), 64–78.
15. Зинченко, С. А. (2019). Гармонизация миграционного законодательства в странах СНГ: проблемы и перспективы. *Журнал российского права*, (10), 89–97. ISSN 1605-6597.